

«БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА» В СВЕТЕ ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Чугунов Дмитрий Александрович

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия

dmtorchugunov@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье показано, как художественная литература помогает проследить причинно-следственные связи конфликтов настоящего с прошлым. Исследования в области интеркультурной герменевтики прежде всего позволяют создавать информативный слепок общественной и политической культуры определенной эпохи. Их актуальность несомненна в условиях современной трансформации европоцентричного мира в мир многополярный. При этом выбор для анализа произведений, не имеющих ярко выраженного пропагандистского пафоса, позволяет открывать именно глубинную парадигму философии и психологии европейского общества по отношению к иным странам и народам. В этом отношении обнаруживается заметное родство между произведениями Д. Дефо, Ч. Диккенса, К. Мая, Т. Смоллета, А. фон Шамиссо, К. Хайна, Б. Шлинка, Л. Бэрфуса, Г. Грасса и других европейских авторов. Оценочные суждения персонажей в их произведениях, мотивы их поведения показывают ключевые опорные точки европоцентричного сознания: 1) разделение всего мира на «цивилизованный» европейский и «варварский» остальной; 2) искреннюю веру в радость туземцев, служащих белому господину; 3) явное или скрытое презрение к культурным достижениям вне Европы; 4) принципиальную двойственность суждений и нравственных суждений, в которых превозносится все европейское и умаляется все прочее. Лишь отдельные европейские авторы (такие, как швейцарец Л. Бэрфус) осмеливаются открыто писать о лжи как фундаментальной черте так называемого «бремени белого человека».

Ключевые слова: интеркультурная герменевтика, бремя белого человека, европейская литература, европоцентричность сознания, многополярный мир, Диккенс, Бэрфус, Дефо.

Цитирование: Чугунов Д.А. «Бремя белого человека» в свете интеркультурной герменевтики // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 24–37. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-24-37 / Chugunov D.A. "The White Man's Burden" in the Light of Intercultural Hermeneutics, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 3. Pp. 24–37. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-24-37.

© Чугунов Д.А., 2022

“THE WHITE MAN’S BURDEN” IN THE LIGHT OF INTERCULTURAL HERMENEUTICS

Chugunov Dmitry A.

Voronezh State University,
Voronezh, Russia
dmtrchugunov@yandex.ru

Abstract. This article shows how fiction helps to trace the cause-and-effect relationships of the conflicts of the present with the past. Research in the field of intercultural hermeneutics, first of all, makes it possible to create an informative cast of the social and political culture of a certain era. Their relevance is undeniable in the context of the modern transformation of the Eurocentric world into a multipolar world. At the same time, the choice for analysis of works that do not have a pronounced propaganda pathos makes it possible to discover precisely the deep paradigm of the philosophy and psychology of European society in relation to other countries and peoples. In this regard, there is a noticeable relationship between the works of D. Defoe, C. Dickens, K. May, T. Smollett, A. von Chamisso, K. Hein, B. Schlink, L. Baerfuss, G. Grass and other European authors. The value judgments of the characters in their works, the motives of their behavior show the key reference points of the Eurocentric consciousness: 1) the division of the whole world into a “civilized” European and a “barbarian” rest; 2) sincere faith in the joy of the natives serving the white master; 3) overt or covert contempt for cultural achievements outside of Europe; 4) the fundamental duality of judgments and moral judgments, in which everything European is exalted and everything else is diminished. Only a few European authors (such as the Swiss L. Bärffuss) dare to openly write about lies as a fundamental feature of the so-called “the white man’s burden”.

Keywords: intercultural hermeneutics, the white man’s burden, European literature, Eurocentric consciousness, multipolar world, Dickens, Bärffuss, Defoe.

В современной компаративистике заметный пласт составляют исследования, связанные с интеркультурной герменевтикой (имагологией). При этом актуальность их не вызывает сомнения. Научный интерес здесь, помимо прочих моментов, устремлен к созданию или воссозданию информативного культурного слепка той или иной эпохи. Национальная литература выступает в подобной ситуации как фиксатор исследуемых представлений о жизни, как зеркало путей развития человеческого общества.

Цивилизационные потрясения начала XXI в. обуславливают наше стремление проследить явные или скрытые причинно-следственные связи настоящего с прошлым. Художественное слово минувших лет и веков, являющееся продуктом религиозных, конфессиональных, политических, гендерных, исторических, культурных, экономических и прочих представлений о мире, воспринимается ныне как вневременное хранилище некогда заложенных в него смыслов, как тайнопись, при своей дешифровке открывающая искомую связь времен.

В настоящей статье будет сделана попытка проследить истоки одной из важнейших проблем современности. Трансформация европоцентричного мира в мир многополярный, начавшаяся в XX в., соединенная с непростым принятием/отрицанием процессов мультикультурализации/глобализации, сопровождается множеством конфликтов. Одним из них становится внешнее и внутреннее столкновение интересов, попытки найти ответы на вопросы о сложившемся некогда неравенстве народов и государств, о возможности преодоления этого дисбаланса, о действительности/иллюзорности усилий, предпринимаемых для этого.

Ретроспективное погружение в ту или иную национальную художественную литературу и прочтение соответствующих текстов под углом имагологического интереса способны открыть нам те самые важные обстоятельства, которые описывают логику человеческого поведения в настоящем и объясняют само возникновение конфликтных ситуаций.

Разумеется, прежде всего следует отделить друг от друга тексты двух видов: произведения, созданные под влиянием определенного исторического момента и потому пронизанные пафосом современности, и те, в которых ключевая (в нашем случае) информация как бы случайна, будучи спрятанной в гуще другой информации.

Первые не вполне подходят для рассмотрения, так как, например, утверждение «убей немца!», прозвучавшее в знаменитом стихотворении К. Симонова в годы Великой Отечественной войны, ни в коей мере не отражает истинного отношения русских к немцам. Даже в тех условиях в Советском Союзе не отказывались от изучения немецкого языка в школах и от немецкой культуры в целом. Ни И.В. Гёте, ни Р. Вагнер не превратились в запретные фигуры общественного пространства. Немецкие дирижеры Г. фон Караян, О. Йохум или К. Бём, поддерживавшие национал-социализм, по окончании войны приглашались советским правительством на гастроли в СССР и передавали свой музыкальный и педагогический опыт коллегам в странах социалистического лагеря. Равным образом и «Южная Африка» Р. Киплинга с

лозунгом-рефреном «*наша Африка и баста*» – безусловно, яркое литературное творение. Однако его воинственный пафос, как и пафос упомянутого стихотворения Симонова, близок в восприятии потомков к некоей условности. У современного читателя Киплинга всегда может возникнуть желание откреститься от неудобных утверждений певца британского империализма, сказать, что все изменилось, что наступили иные времена, что никто уже не думает так, как декларировал стародавний автор.

Тексты же второго рода, отнюдь не будучи пронизаны пропагандистским духом, несут в себе детали, чрезвычайно важные для понимания менталитета нации и особенностей ее отношения ко всем прочим. Так, многие места романа Ч. Диккенса «Домби и сын» (1848) дают любому иноязычному читателю много больше понимания глубинного, фундаментального в британском взгляде на мир, чем это открывается у Киплинга. Даже не погружаясь в вопросы политики или экономического развития Британской империи в XIX в., современный читатель романа никогда не пройдет мимо точного отображения Диккенсом философии и психологии правящего класса империи. Уже в первой главе произведения портрет главного героя сопровождается отчасти ироничным, однако оттого лишь более ценным замечанием: «Земля была создана для Домби и Сына, дабы они могли вести на ней торговые дела, а солнце и луна были созданы, чтобы озарять их своим светом... Реки и моря были сотворены для плаванья их судов; радуга сулила им хорошую погоду; ветер благоприятствовал или противился их предприятиям; звезды и планеты двигались по своим орбитам, дабы сохранить нерушимой систему, в центре коей были они» [Диккенс].

Библейский стиль повествования в этом фрагменте приоткрывает безапелляционную уверенность типичного англичанина (а мистер Домби именно типичен) во вселенском масштабе затеваемых им предприятий и в их мессианском характере. Именно поэтому ненужными становятся вопросы о причинах самого пребывания англичанина в самых далеких от его родной Англии уголках мира. Он не завоевывает ничего и не вторгается никуда, а в своем праве инспектирует владения, которые должны приносить ему прибыль. Любые посягательства на эти абсолютные права расцениваются как попытка подорвать даже не его личную систему взглядов, а устои целостного мира, в центре которого находится Лондон – как, например, Солнце находится в центре нашей системы планет.

Мимолетное замечание автора о мировоззрении мистера Домби удивительным образом перекликается, например, с тем, как ранее Д. Дефо представлял читателю образ мыслей своего знаменитого Робинзона Крузо.

Описание его побега из мавританского плена в Салехе содержит две важные детали. Во-первых, указание на искреннюю убежденность персонажа в непреодолимом отличии европейского «цивилизованного» мира от тех земель, «где целые полчища негров со своими челноками окружили бы и убили бы нас, где стоило нам ступить на землю, и нас растерзали бы хищные зверя или еще более безжалостные дикие существа в человеческом образе» [Дефо, Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, с. 6].

Налицо сопоставление людей, к коим персонаж причисляет, разумеется, и себя, и *существ*, лишь по некоей случайности похожих на него. Именно это легко легитимизирует торговлю рабами (то есть *нелюдьми, существами*), к которой причастен герой Дефо.

Во-вторых, обратим внимание на использование мальчиком Ксури, который во время побега случайно оказался в одной лодке с Робинзоном, именно английского языка для общения. «От невольников-англичан Ксури научился говорить на ломаном английском языке», – замечает главный герой [Дефо, *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо*, с. 6].

Автор обходит вопрос, на каком языке общался целых два года сам Робинзон со своими хозяевами-маврами во время пребывания в плену. По крайней мере в Бразилии герой изучает местный язык (португальский), чтобы общаться с другими купцами. Однако общение Робинзона с Пятницей на необитаемом острове демонстрирует нам ту же модель отношений, что и с Ксури. Пятница выучивает английский язык, одевается на европейский лад и знакомится с учением о Христе. Сам же Робинзон не делает ни единой попытки познать культуру своего спутника, поскольку этого и не требуется: «Прежде всего я объявил ему, что его имя будет Пятницей, так как в этот день неделя я спас ему жизнь. Затем я научил его произносить слово «господин» и дал понять, что это мое имя; научил также произносить да и нет и растолковал значение этих слов. Я дал ему молока в глиняном кувшине, предварительно отпив его сам и обмакнув в него хлеб; я дал ему также лепешку, чтобы он последовал моему примеру; он с готовностью повиновался и знаками показал мне, что угощение пришлось ему очень по вкусу» [Дефо, *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо*, с. 44].

Бедный туземец, *радующийся* возможности прикоснуться к безусловно вышестоящей западноевропейской *цивилизации*, а потому наслаждающийся собственной готовностью *служить* белому человеку, благосклонно поощряющему его в этом усердии, – вот идеал, открывающийся в воззрениях Робинзона Крузо на мир.

Подобное утверждение могло бы показаться преувеличенным, однако продолжение истории – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» (1719) – лишь подтверждает наш тезис. Герой Д. Дефо искренне убежден в абсолютном превосходстве западноевропейской цивилизации над всеми прочими. Оказавшись в Китае – как мы знаем, стране с тысячелетней культурной историей, Робинзон Крузо недоумевает: «...Что замечательного можно найти в китайских постройках по сравнению с европейскими дворцами? Чего стоит китайская торговля по сравнению с торговлей Англии, Голландии, Франции и Испании? Что такое китайские города по сравнению с нашими в отношении богатства, силы, внешней красоты, внутреннего убранства и бесконечного разнообразия? Что такое китайские порты с немногочисленными джонками и барками по сравнению с нашей навигацией, нашими торговыми флотами, нашими мощными военными кораблями?» [Дефо, *Дальнейшие приключения Робинзона Крузо*, с. 28].

Суждения Робинзона Крузо ценны тем, что вскрывают всю глубину и прочность британского презрения к иным народам. Важный психологический штрих: если и возникает в сознании англичанина некий миг удивления от увиденного в дальних краях, то он объясняется лишь неожиданностью. Однако чуть позже слегка поколебавшаяся привычная картина мира, разделенного на *цивилизованную* и *дикарскую* половины, восстанавливается и даже упрочивается: «...Богатство китайцев, их торговля, могущество их правительства и сила их армий, как я уже оказал, поражают нас, потому что, считая китайцев варварским языческим народом, почти что дикарями, мы ничего этого не ожидаем найти у них. Только благодаря этому подходу, их мощь и величие предстают нам в выгодном свете; в действительности же они не многого стоят» [Дефо, Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, с. 28].

Пример презрительного отношения к Китаю дополняется другим, где уничижительными характеристиками награждается уже сосед Китая – Московское царство: «Должен сознаться, что по возвращении домой мне было странно слышать, как у нас превозносят могущество, богатство, славу, пышность и торговлю китайцев, ибо, по моим собственным наблюдениям, китайцы показались мне презренной толпой или скопищем невежественных грязных рабов, подвластных достойному их правительству. Словом, если бы расстояние, отделяющее Китай от Московии, не было столь огромным и если бы московская империя не была почти столь же варварской, бессильной и плохо управляемой толпой рабов, то царь московский без большого труда выгнал бы китайцев с их земли и завоевал бы их в одну кампанию» [Дефо, Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, с. 28].

Перенос собственной логики *англичанина* Робинзона Крузо на возможные действия московского царя показателен. Первое, что приходит англичанину в голову, так это беззастенчивая идея завоевания соседа или же изгнания его с родной земли, при этом герой даже не осознает собственной кровожадности. Объяснение подобной избирательности суждений и оценок следует практически сразу же. Робинзон Крузо мыслит подчеркнуто англоцентрично, осуждая войну московитского царя со шведским королем (так как это – вторжение дикарей в европейские пределы), однако всецело одобряя возможные боевые действия двух «варварских» государств между собой, ибо ослабление «варваров» снимает угрозу с их стороны. Любопытно, что через некоторое время еще один английский автор – Т. Смоллет в книге «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771) – засвидетельствовал подобную практику по отношению к противникам короны: английское правительство «всегда следовало политическому правилу *divide et impera*» [Смоллет]. Само же английское государство так же метко было названо Т. Смоллетом государством, ведущим «войны на чужих землях» [Смоллет].

Об ошибочности «европоцентричной» логики, безапелляционно расставляющей акценты в суждениях о себе и о других народах, осторожно свидетельствовал А. фон Шамиссо. Возможно, этому способствовало его положение человека, по воле исторических событий вынуждено оказавшегося между двух культур – французской и германской. Кругосветное путешествие в 1815–1818 гг. на русском бриге «Рюрик», позволившее ему посмотреть на людей и культуру далеких от Европы стран,

укрепило А. фон Шамиссо в мысли об относительности термина «дикарь», о его спекулятивном или бездумном использовании европейцами. Позднее он писал в книге «Путешествие вокруг света» (1834–1836): «Пользуясь случаем, выскажу здесь слова решительного протеста против употребления термина «дикари» применительно к жителям островов Южного моря [Тихого океана]. Я всегда стараюсь связывать те или иные понятия со словами, которые использую. Дикарем я называю человека, не имеющего постоянного местожительства, не занимающегося ни охотой, ни скотоводством, владеющего лишь оружием и добывающего себе пропитание охотой. Если и можно винить жителей островов Южного моря в испорченности нравов, то, как мне кажется, она свидетельствует не о дикости, а скорее о переизбытке цивилизации. Различные изобретения, такие, как монеты, письменность и т.д., по которым можно судить, на какой ступени цивилизации находятся народы нашего континента, здесь, в иных условиях, уже не могут служить мериллом для этих групп людей, живущих без вчера и сегодня, лишь данным моментом и вкушающих его на обособленных островах под благодатным небом» [Шамиссо, с. 30].

А. фон Шамиссо проиллюстрировал свое суждение историей, произошедшей с членами научной экспедиции на Аляске. Натолкнувшись на холм с могильными памятниками аборигенов, европейцы сначала из любопытства разворошили могилы, расхитили все предметы быта, по ритуалу оставленные в месте погребения, а под конец использовали плавник, покрывающий захоронения, для лагерного костра. Проблема заключалась в том, что никто из участвующих в этом не испытал смущения. «Я никого не виню; действительно, все мы были настроены самым дружелюбным образом, и не думаю, чтобы европейцы могли бы относиться лучше, чем мы, к чужим народам, «дикарям» (капитан Коцебу тоже называет эскимосов «дикарями»); наши матросы в полной мере заслужили похвалу, которую им адресует капитан. Однако, если бы местные жители взяли за оружие, чтобы отомстить за осквернение могил, на кого пала бы ответственность за кровопролитие?» – задумчиво спрашивает А. фон Шамиссо [Шамиссо, с. 39].

Другая история еще более показывает двойные стандарты европоцентричной логики. В ней американский капитан пытался похитить островитян с Пасхи, чтобы с их помощью основать промысловую колонию на другом тихоокеанском острове. Лишь отчаянное сопротивление аборигенов нарушило его предпринимательские планы.

Обращает на себя внимание важная психологическая подробность, которую отмечает А. фон Шамиссо: американца очень раздражает «неожиданное геройство» аборигенов, их стремление жить по своим правилам [Шамиссо, с. 30]. Этот безымянный капитан, в сущности, демонстрирует ту же логику поведения, что и Робинзон Крузо: осчастливленные его вниманием аборигены обязаны радостно признать его господином и покинуть свою родину ради исполнения коммерческих замыслов вышестоящего белого человека.

Знакомство с европейской художественной литературой Нового времени показывает, что отношение к представителям иных культур как к дикарям является общим для англичан, французов, немцев и прочих «цивилизованных» народов.

Так, в романе популярного немецкого писателя XIX в. Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» (1868) одной из ключевых в сюжете является сцена общественного суда над господином Зонненкампом. Ныне живущий в благоденствии в роскошном поместье на берегу Рейна, в прошлом он имел непосредственное отношение к борьбе друг с другом южных и северных штатов в Америке. Зонненкамп открыто утверждает: «Такъ-называемые благодѣтели челоуѣческаго рода думаютъ благодѣянiями изгнать изъ мiра бѣдность, горе и стыдъ. Они жестоко ошибаются: никакія благодѣянiя не въ силахъ этого сдѣлать, и въ концѣ концовъ все это одно пустое шарланство. Для низшаго разряда людей на свѣтѣ существуетъ одно только благо, а именно рабство. Спокойно оставаться въ зависимости на попеченiи своихъ хозяевъ, лучшее что можно придумать для черныхъ... да и для бѣлыхъ также» [Ауэрбах].

Обличительный пафос автора, с дающего отрицательному персонажу ясно и недвусмысленно высказать свою позицию, совершенно ясен. Однако уже следующая сцена добавляет важный штрих к произошедшему. Вслед за публичным покаянием Зонненкампа и растерянным недоумением мужчин, не знающих, какой приговор вынести ему, слово берет женщина, жена графа Клодвига. Неожиданно для своего мужа она превозносит Зоннекампа: «Онъ одинъ заслуживаетъ названiя мужчины. Въ немъ сила и смѣлость, а вы всѣ слабоумные трусы <...> Сила и отвага, стойкость, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ — вотъ настоящiя качества мужчины. Будьте чѣмъ хотите, только не сантиментальничайте и не прячьтесь ежеминутно за гуманность. Мужчинѣ, не вылитому изъ желѣза, слѣдовало бы быть женщиной... или нѣтъ, монахиней. Да, вы всѣ не что иное, какъ монахини, которые молитесь на гуманность <...>. Ну, есть ли въ томъ смыслъ. Еврей и атеистъ, подобный капитану Дорнэ, призываются судить такого челоуѣка какъ Зоннекампъ! <...> Онъ одинъ заслуживаетъ названiя челоуѣка, и какая для васъ честь, что онъ согласился говорить передъ вами! <...> Вы всѣ рабы, со страхомъ и трепетомъ преклоняющіеся передъ Жанъ-Жакомъ Руссо, этимъ глупцомъ, проповѣдывавшимъ равенство. Теперь наступаетъ важная минута, которая должна рѣшить вопросъ: тонуть ли мiру въ этомъ морѣ всеобщаго равенства, или все болѣе и болѣе возвышаться въ лицѣ избранныхъ натуръ» [Ауэрбах].

Б. Ауэрбаху удалось через эту антитезу мужского и женского взглядов на происходящее показать не только единичное, просвещенно-гуманистическое отношение к тезису о превосходстве одной части людей над другой. Женщина, не принимающая активного участия в общественной жизни, оказывается сторонницей иного взгляда, она — представительница общей народной массы, далекой от каких-либо высоких книжных идей и существующей в системе многовековых правил и представлений о мире. Идея собственного возвышения, а значит — и собственного благополучия за счет других, «неразвитых» и «нецивилизованных» племен и народов, всецело захватывает ее сознание, оправдывая любые действия Зонненкампа-сверхчеловека.

Похожий слепок народной немецкой души мы находим и в книге, созданной более чем ста годами позднее. В главе «1900», открывающей книгу Г. Грасса «Мое столетие» (1999), автор рассказывает историю простого немецкого солдата из глухого уголка Нижней Баварии. Отправляясь на войну в Китай, солдат убежден в правоте

своей миссии, ибо он вместе с прочими европейскими нациями несет китайцам «культуру». Представители Востока вызывают в нем интерес лишь экзотичностью бытовых привычек. В качестве «сувенира» этот немецкий солдат отправляет домой косичку с отрубленной головы китайского пленного. «Вернувшись домой, я ко всеобщему удовольствию носил ее на карнавальных гуляньях до тех пор, пока моя невеста не сожгла мой сувенир. «Это привлекает в дом нечистую силу!» – сказала Рези за два дня до нашей свадьбы» [Грасс, 2001, с. 5].

Показательно здесь вскользь оброненное замечание – «ко всеобщему удовольствию». Косичка убитого китайца никем в деревне рассказчика не воспринимается как свидетельство убийства, потому что китайцы в сознании немцев (европейцев) находятся за пределами цивилизации и культуры. Более того, они являются словно бы частью «нечистой силы», которая способна повредить немецкому народному миропорядку.

Точно такое же, настороженное и агрессивное, отношение ко всему, что находится за пределами европейского социума, открывается и в повести К. Хайна «Вилленброк» (2000). Автор живописует здесь, помимо прочего, переживания немецкого обывателя, испуганного начавшимся после 1989 г. «переселением народов»: «Моя Гитти настолько запугана, что мне пришлось весь дом перестраивать, лишь бы ее, главное мое сокровище, обезопасить. У меня теперь в самом центре дома сейф безопасности, это такой большой бронированный шкаф, вскрыть его просто невозможно. В случае нападения мы можем там укрыться. Это полностью изолированное помещение со своим электрогенератором и автономным водоснабжением, разумеется несгораемое. Прорваться туда можно разве что на танке. Теперь, когда я не ночую в Берлине, мое сокровище перебирается спать туда. Но не спрашивайте меня, во что мне это удовольствие встало. Целое состояние. Четверть миллиона, хотите верьте, хотите нет. И все только потому, что *Сибирь теперь начинается, можно сказать, прямо у нас за порогом.* – Собака обошлась бы вам намного дешевле. – Собака? У моего соседа был дог, вот такая зверюга, с лошадь величиной. Так эту псину русские пристрелили в первую очередь. – Откуда вы знаете, что это были русские? – Русские, румыны, албанцы, может, это были даже немцы, откуда мне знать. А может, все скопом. Они, судя по всему, прекрасно организованы и не останавливаются даже перед убийством.

<...> – *Азия. Одна Азия вокруг,* – изрекла вдруг госпожа Пульман» (курсив мой. – Д. Ч.) [Хайн, 2001, с. 116].

Различие в оценочных суждениях налицо: косичка с головы убитого китайца воспринимается как «сувенир» – смерть собаки в Европе подается как «убийство».

Как легко заметить, подобная двойственность суждений и нравственных оценок является главной проблемой общеевропейского сознания последних столетий. Незыблемая убежденность в собственной правоте и связанные с этим логика поведения, логика восприятия «другого» одинаково проявляются даже в таких не похожих

друг на друга произведениях, как «Качели дыхания» (2009) Г. Мюллер и «На Тихом океане» (1894) К. Мая.

Ключевой оппозицией своего повествования Г. Мюллер сознательно делает противостояние культурного немецкого юноши и варварского мира, находящегося на востоке от Европы. В сознании ее героя-рассказчика, после Второй мировой войны оказавшегося в трудовом лагере в СССР, полностью отсутствуют неудобные вопросы о происходящем. Он не пытается понять, почему разразилась война, почему был разрушен Донбасс, какую роль сыграли во всем его трансильванские соотечественники, активно служившие в войсках СС. Значимой подробностью является и его сомнение в том, что коксохимический завод, который восстанавливают заключенные, был разрушен именно во время войны. Рассказчик уверен, что правильное пользование немецкими станками было попросту недоступно дикарям-русским, из-за чего отличная техника портилась и взрывалась сама собой.

«Дикарство» русских обозначается многократно. Так, рассказчик, человек с тонкой душевной организацией, привозит в трудовой лагерь «Фауста» Гёте, однако по вине русских, не обеспечивающих его сигаретами, это сокровище европейской духовности расходуется среди заключенных на табачные самокрутки. Культурный немец обладает носовым платком, а лагерные охранники сморкаются, прибегая к помощи пальцев и т.п.

Эти нюансы повествования фактически превращают книгу о трагической истории трансильванских немцев в очередное воспевание культурного превосходства цивилизованных европейцев над прочими народами. И это превосходство заметно меняет понимание добра и зла, моральных и аморальных поступков. Любые преступления *высшей общности* называются, в лучшем случае, случайными ошибками, тогда как любые действия прочих *существ* трактуются как очередное доказательство их низшей ступени развития.

К. Май, автор известнейших приключенческих произведений, относится к совершенно иному типу писателей, нежели одиозно мыслящая Г. Мюллер, занятая политикой. Однако подсознательная убежденность в превосходстве европейской цивилизации над всеми прочими прорывается между строк и у него.

С одной стороны, автор подчеркивает принципиальную непохожесть одного уголка земли на другой: «Где бы я по прихоти судьбы ни оказывался, основное мое занятие составляло, с позволения сказать, собирание плодов, равным образом как материальных, так и духовных. Среди этих плодов ни один не может быть сравним со своими собратьями ни по форме, ни по цвету, ни по вкусу, не говоря уже о глубине духовного воздействия» [Май, 1], — убежденно пишет он. Многообразии и своеобразии человеческого мира суть та самая деталь, которая обесмысливает любые лукавые сравнения с целью умаления одного и превознесения другого. Однако, с другой стороны, местами и в его оценках проскальзывает антитеза «цивилизованности» и «варварства», как, например, в главе, называющейся «В Сибирь»: «Москва,

как мне показалось, стремится отстоять свое место в иерархическом ряду городов, кои всеми силами стараются поддерживать звание цивилизованных, подобно Петербургу» [Май, с. 8].

Именно Санкт-Петербург, выстроенный по европейскому образцу, объявляется К. Маем «цивилизованным» городом, Москва же, древняя столица русского государства с самобытной архитектурой и городской планировкой, же всего лишь подражает ему. Это краткое суждение мгновенно напоминает пренебрежительную оценку китайских городов Робинзоном Крузо.

Подобные мелочи лучше всего объясняют неизбывное присутствующее в менталитете европейцев ощущение собственного величия. Весь смысл «бремени белого человека», о котором идет речь в знаменитом стихотворении Р. Кипплинга (1899), отнюдь не сводится к бескорыстному служению иным народам земли. Р. Кипплинг в первую очередь противопоставляет друг другу «цивилизованного» европейца и «угрюмых мятущихся дикарей, наполовину бесов, наполовину людей» (пер. А. Сергеева), «тупую толпу то дьяволов, то детей» (пер. В. Топорова), «упрямых дикарей» (пер. М. Фромана). Начальная антитеза только подчеркивает стремление европейца вырвать *иного* из привычного круга его существования, причем *иной* образ жизни безапелляционно называется «тьмой египетской» (пер. А. Сергеева, В. Топорова), а война с этой тьмой объявляется миссионерским путем установления будущего мира (то есть тем самым *бременем*), в котором все прочие будут обтесаны по европейским лекалам. В этом смысле почти двести лет, разделяющих произведение Д. Дефо и Р. Кипплинга, абсолютно ничего не изменили в мировоззрении европейцев.

Неизбывная европоцентричность сознания англичан, немцев, французов и прочих, их обособление себя от иного мира легко объясняют и способность европейских наций мгновенно примиряться друг с другом после самых кровавых исторических столкновений. Робинзон Крузо в конфликте шведского короля и московского царя отчетливо симпатизирует шведу, а не москвиту. Бравый француз, герой цикла романов А.К. Дойля о наполеоновском бригадире Жераре, великолепно находит общий язык с англичанами. В XX в. мы обнаруживаем то же самое в «Рассказах Лемана, или Исповеди спекулянта» (1959) З. Ленца. Хитроумный герой Ленца проворачивает свои дела на Черном Рынке в Гамбурге, который совсем недавно подвергся массированным бомбардировкам ВВС Англии и США. В результате авианалетов была полностью разрушена историческая часть города, пострадали несколько сотен тысяч человек, из Гамбурга бежало около миллиона жителей. Возникший в одну из ночей огненный смерч уничтожил 21 квадратный километр города. Сама операция носила наименование «Гоморра», что придавало ей возвышенно-библейский характер («И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба»; Бытие. 19:24.). Однако рассказчик-*немец* не выказывает по этому поводу никаких трагических переживаний. Более того, не проходит и года с момента окончания войны, а он несколько раз упоминает «друзей-американцев», присутствующих в его ближнем круге общения.

Если сопоставить поистине вековечную обиду, нанесенную русскими варварами герою романа Г. Мюллер, и безжалостное разрушение огромного города, оставшееся где-то на дальней периферии сознания героя З. Ленца, то вновь совершенно отчетливо проявит себя неизбывная двойственность европейских оценок. В сравнении с мельчайшим жизненным неудобством, происходящим от *дикарей* (русских, азиатов, африканцев и прочих), даже самые тяжкие преступления *цивилизованных* европейцев друг против друга воспринимаются ими как небольшая и быстро проходящая шалость.

М.Е. Салтыков-Щедрин в блестящей пьесе «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» (разговор в одном явлении), входящей в книгу «За рубежом» (1881), в остроумных формулировках отобразил многие стереотипы русского и немецкого сознания. Одна из таких реплик *немецкого* «мальчика в штанах» достойна особенного внимания. «Я полагаю, что вам без немцев не обойтись!» – утверждает он, слыша о проблемах русской жизни [Салтыков-Щедрин, 1989, с. 62]. Его ощущение собственного превосходства надо всем тем, что находится где-то далеко на востоке и что он многократно силится понять и не понимает, отнюдь не авторская придумка. В романе Б. Шлинка «Ольга» один из персонажей утверждает похожее: «Герберт расписывал Ольге благодатный климат Африки... как тут нароют колодцев, разведут плантации табака, хлопка и кактусов, насадят лесов, пробурят скважины, настроят фабрик. Для всего этого необходимо господство немцев. Черные, – писал он, – подняли мятеж, надеясь захватить власть. Мы этого не допустим. Мы побеждаем ради нашего и ради их блага. Черные – человеческая порода, которая еще находится на низшей ступени культуры, у них отсутствуют наши высшие и лучшие качества, такие как усердие, благодарность, сочувствие, и вообще у них нет никаких идеалов. Даже если они внешне пообтешутся, души у них будут все те же. А если бы они победили, случился бы кошмарный откат вспять в жизни цивилизованных народов» [Шлинк, с. 13].

Об этой лжи европейской цивилизации честно написал в романе «Сто дней» (2008) швейцарский писатель Л. Бэрфус. Ее главный герой в составе гуманитарной миссии помогает строить *цивилизованную* жизнь в одной африканской стране (в которой легко угадывается Руанда). Однако насаждаемые швейцарскими добровольцами шаблонные европейские понятия добра и справедливости, их собственное мышление европейскими стереотипами приводят к катастрофе. Захваченный событиями внезапно разразившейся в стране гражданской войны, рассказчик медленно прозревает: «Самой скверной штукой во всей этой истории была мысль, которая раз за разом приходила мне в голову в те сто дней и которая мучает меня и сегодня. Мысль о том, что между нашей добродетелью и их преступлением существовал симбиоз» [Бэрфус].

Чрезвычайно мало понимая культуру и менталитет местного населения, *цивилизованные* швейцарцы настойчиво пытались приучить африканцев к европейскому образу жизни. Прячась за «неписаными законами гуманизма» и прочими двусмысленно-изворотливыми сочетаниями слов, принятыми в *цивилизованном* мире, европейцы предпочитали не замечать действительных проблем местного социума. Результатом всего стало подчеркнуто *европейское* поведение мятежников: «То, что

они усвоили из наших бесед с ними, они осуществили на практике: проанализировали ситуацию, нашли принципиальное решение, создали предпосылки, подготовили средства реализации решения, запаслись инструментом, составили списки, обучили людей, разработали график, убрали мусор. И все это они делали спокойно и уверенно, без паники, быстро, но без спешки. Они решали задачу по нашей методике – с осмотрительностью, учитывая возможные случайности и имея запасные варианты. Если бы они не придерживались наших принципов организации любого дела, то не смогли бы уничтожить восемьсот тысяч человек – по крайней мере за сто дней» [Бэрфус].

Именно поэтому Л. Бэрфус во время вручения ему Бюхнеровской премии произнес обличающие всю европейскую цивилизацию резкие слова: «Я – писатель из Европы двадцатого века: за какую бы ниточку я ни потянул, за ближайшим или, в крайнем случае, самым близким углом она ведет к массовой могиле» [Dankrede von Lukas Bärfuss].

Думается, что эта фраза наилучшим образом характеризует пафос тезиса о «бремени белого человека» (alias «европейца») в его общении с иными народами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ауэрбах Б. Дача на Рейне. Т. 3. URL: http://az.lib.ru/a/auerbah_b/text_1868_das_landhaus_am_rhein-3-oldorfo.shtml (дата обращения – 12 апреля 2022 г.).

Берфус Л. Сто дней. URL: https://royallib.com/book/berfus_lukas/sto_dney.html (дата обращения – 15 мая 2020 г.).

Грасс Г. Мое столетие. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 336 с.

Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо. URL: https://mir-knig.com/read_257353 (дата обращения – 02 апреля 2022 г.).

Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо. URL: https://mir-knig.com/read_242407 (дата обращения – 02 апреля 2022 г.).

Диккенс Ч. Торговый дом Домби и сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d13.txt> (дата обращения – 13 января 2022 г.).

Май К. На Тихом океане. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/na-tihom-okeane.html> (дата обращения – 27 марта 2022 г.).

Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. М.: Советская Россия, 1989. 320 с.

Смоллет Т. Путешествие Хамфри Клинкера. URL: <http://lib.ru/INPROZ/SMOLLET/smollet.txt> (дата обращения – 11 апреля 2022 г.).

Хайн К. Вилленброк // *Иностранная литература*. 2001. № 8. С. 92–176.

Шамиссо А. фон. Путешествие вокруг света. URL: https://bookscafe.net/read/shamisso_adelbert-puteshestvie_vokrug_sveta-253295.html (дата обращения – 09 апреля 2022 г.).

Шлинк Б. Ольга. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/423351-bernhard-shlink-olga.html> (дата обращения – 14 апреля 2022 г.).

Dankrede von Lukas Bärfuss // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. 2019. 2. November. URL: <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/lukas-baerfuss/dankrede> (дата обращения – 14 мая 2020 г.).

REFERENCES

Auerbakh B. *Dacha na Reine* [Cottage on the Rhine]. Available at: http://az.lib.ru/a/auerbah_b/text_1868_das_landhaus_am_rhein-3-oldorfo.shtml (accessed 12 April 2022).

Berfus L. *Sto dnei* [One hundred days]. Available at: https://royallib.com/book/berfus_lukas/sto_dney.html (accessed 15 May 2020).

Grass G. *Moe stoletie* [My century]. Moscow: AST; Khar'kov: Folio, 2001. 336 p. (in Russian).

Defo D. *Dal'neishie priklyucheniya Robinzona Kruzo* [The Farther Adventures of Robinson Crusoe]. Available at: https://mir-knig.com/read_257353 (accessed 02 April 2022).

Defo D. *Zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya Robinzona Kruzo* [The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe]. Available at: https://mir-knig.com/read_242407 (accessed 02 April 2022).

Dickens Ch. *Torgovyi dom Dombi i syn. Torgovlya optom, v rozmitsu i na eksport* [Dealings with the Firm of Dombey and Son: Wholesale, Retail and for Exportation]. Available at: <http://lib.ru/INPROZ/DICKENS/d13.txt> (accessed 08 April 2022).

Mai K. *Na Tikhom okeane* [On the Pacific]. Available at: <https://avidreaders.ru/read-book/na-tihom-okeane.html> (accessed 23 March 2022).

Saltykov-Shchedrin M.E. *Za rubezhom* [Abroad]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989. 320 p. (in Russian).

Smollet T. *Puteshestvie Khamfri Klinkera* [The Expedition of Humphry Clinker]. Available at: <http://lib.ru/INPROZ/SMOLLET/smollet.txt> (accessed 3 March 2022).

Khain K. Villenbrok [Willenbrock], in *Inostrannaya literature*. 2001. No. 8. Pp. 92–176 (in Russian).

Shamisso A. fon. *Puteshestvie vokrug sveta* [Traveling across the world]. Available at: https://bookscafe.net/read/shamisso_adelbert-puteshestvie_vokrug_sveta-253295.html (accessed 9 March 2022).

Shlink B. *Ol'ga* [Olga]. Available at: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/423351-bernhard-shlink-olga.html> (accessed 23 March 2022).

Dankrede von Lukas Bärfuss. Available at: <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/lukas-baerfuss/dankrede> (accessed 02 April 2022).

Статья принята к публикации 13.06.2022